

ДЕЛО О ТРЕХ УБИЙСТВАХ

Роман
ИЛЬЯСОВ

ГЛАВА 4. ДЕЛО О ТРЕХ УБИЙСТВАХ

Продолжение.
Предыдущие публикации -
в №№ 471, 472.

А через месяц после ареста Исмаилова неизвестным был послан в НКВД донос о том, что он племянник бывшего басмача. После этого доноса на последнем допросе с пристрастием его заставили признаться в том, что он также являлся шпионом.

Не будь последнего доноса, его бы уже давно расстреляли. Однако после этого доноса следствие затянулось, так как был начат розыск его шефа-сообщника, чьи распоряжения он беспрекословно выполнял. Исмаилов на допросе сообщил, что настоящего имени своего сообщника — опасного шпиона, старого басмача — он не знает, ему известна только кличка этого человека: Кара-Басмач. И описал его приметы: обрешанное правое ухо и глубокий шрам на левой щеке. Кого-либо с такими приметами до сих пор не могут нигде найти.

Михаил снова почувствовал легкое головокружение, когда поднялся со стула, для того чтобы положить папки в сейф.

Время ужина — 8 часов, но от усталости аппетит пропал. «Сон для меня сейчас важнее ужина», - подумал Михаил. - Но времени до завершения дела остается совсем мало». Михаил пробежался взглядом по своим записям и решил провести сегодня короткий допрос свидетеля Рубинова, чтобы ускорить работу и иметь к завтрашнему дню более ясную картину по данному делу.

По распоряжению Михаила, к 8:30 вечера в комнату допросов доставили Якова Рубинова. Михаил попросил конвоиров удалиться и вежливо предложил Якову сесть. Тот поблагодарил Михаила, садясь на привычный стул. И сразу заметил, что Михаил выглядит ужасно усталым. Кожа лица имела нездоровый, бледный оттенок, под нижними веками потухших глаз проступали отчетные пятна. Яков внимательно всмотрелся в зрачки глаз Михаила и сделал для себя заключение: он не спал этой и прошлой ночью, мало спал позавчерашней ночью и работал все это

время как вол, на износ.

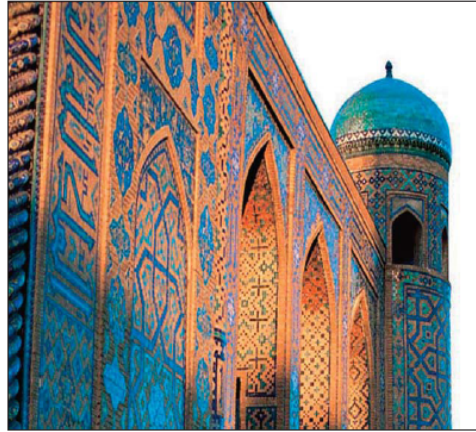
«Яков, - начал Михаил, - я вызвал вас сюда, чтобы побеседовать о чрезвычайном происшествии, которое случилось два дня тому назад в той камере, где вы находились. Очень сожалею, что вы являетесь свидетелем этого ужасного представления уже на второй день вашего пребывания в тюрьме. Понимаю, что перенесли, наверное, дикий ужас, увидев трех трупов в то утро. Понимаю, что вы еще многое не знаете из того, что творится в тюрьме. Тем не менее, мне кажется, что новичок всегда обладает более острым восприятием происходящего, чем другие. Как новичок, вы могли бы заметить что-то такое, на что другой не обратил бы внимания. И поэтому мне было бы очень интересно в деталях узнать от вас все, что показалось вам в то утро впечатляющим».

«Спасибо за ваше понимание и слова сочувствия, - сказал Яков. - И я обязан еще раз выразить вам глубокую признательность за справедливое расследование, которое вы провели по делу моего любимого ученика — Баруха». «Не стоит меня благодарить за это, - слегка смутившись, ответил Михаил. - Я просто осуществлял свой долг гражданина и советского следователя».

Старался добросовестно выполнить задание, которое было доверено мне партией». Михаилу показалось, что при словах «советский следователь» и «партия» Яков каким то особенным, пытливым и пронзительным взглядом взглянул на него, как будто хотел прочитать по глазам, не кривит ли он душой и действительно ли верит в то, о чем говорит. Яков догадался, что Михаил заметил его пыливый взгляд и, улыбаясь, сказал: «Мне кажется, гражданин следователь, что должность «советского» следователя и «партия» тут ни при чем, иначе Барух вообще бы не попал сюда. От Якова веяло необыкновенной смелостью, праведностью, простотой, чистотой и святостью. Михаилу показалось, что именно эти качества Якова только что сняли недавнюю усталость и давящую в затылок тяжесть от бессонных ночей».

Михаил взял свои записи — вопросник и план сегодняшнего допроса — и, пытаясь отогнать от себя ненужные ощущения, попытался сконцентрироваться, чтобы начать. Но не мог. Его неожиданно стала преследовать мысль, что вид Якова,

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

его речь, ход его мысли, атмосфера, созданная его присутствием, начали пробуждать те знакомые добрые ощущения прошлого времени, которые загадочная болезнь Михаила оставила в нем, стерев с памяти остальные. Михаилу даже почудилось, что эта беседа с Яковым уже происходила в прошлой жизни. «Мистика какая то, - подумал он, стараясь отогнать от себя ненужные мысли. - Но кого же напоминает мне образ этого человека? Доброе, открытое, теплое лицо, мудрые глаза, густая борода... Стоп!» Михаил неожиданно содрогнулся от мысли, которая пришла ему в голову. Да, да. Яков имел вид и ауру того человека, который не раз посещал Михаила в его детских, туманных снах. Михаил тогда не мог понять, на кого похоже это видение: на ангела, волшебника или на какого-то очень близкого ему человека из прошлой жизни, которого болезнь заставила забыть? Наконец Михаилу удалось отогнать от себя эти мысли и подавить свои ощущения, и он спросил у Якова: «Так вы помните что-нибудь такое, что может оказаться ценным для расследования этого дела?»

«Действительно, как вы правильно подметили, - начал Яков, - вся та сцена с тремя трупами была ужасной и неожиданной! Я был так потрясен случившимся, что даже и сейчас мне от этих воспоминаний как-то не по себе и очень трудно сосредоточиться. Ну, хорошо, - сказал Михаил. - Тогда давайте проведем нашу беседу в виде вопросов и ответов». Михаил взглянул на свои записи и спросил: «Вы раньше знали кого-нибудь из тех троих?» Яков сразу сообразил: Михаилу, должно быть, уже из-

вестно из дела Шаломоева, что Самуил знал его. Если ему об этом не известно сейчас, то это несложно выяснить позже. Яков также понимал, что Михаил не желает причинить ему никакого вреда и что он положительный человек, по крайней мере, еще не испорченный средой, в которой только начал работать. И поэтому он не имеет и в дальнейшем, вероятно, не будет иметь нехороших побуждений при ведении этого дела».

И Яков решил ничего не скрывать от Михаила, кроме того обстоятельства, что он увидел трупы первым. Ведь Бурый предупредил в камере всех, что якобы он, Бурый, увидел трупы первым. Видимо, он знал, что следователи могут повернуть дело так, как им захочется. И поэтому, имея определенный опыт лавирования на допросах, решил все взять на себя. Но он же не мог знать в тот момент, что это дело попадет к хорошему следователю...

«Да, - ответил Яков. - Из тех троих усопших, пусть земля им будет пухом, я знал повесившегося Самуила Шаломоева. И он знал меня. И мне кажется, что это вам уже было известно». Михаил смущенно улыбнулся и ответил: «Вы правы, Яков. Я действительно знал об этом. Но я просто хотел проверить... хотел быть уверен, что сегодняшняя наша беседа пройдет на ноте полного доверия и взаимопонимания».

«Не буду скрывать мое личное мнение о вас, гражданин следователь, - продолжал Яков. - Я считаю вас очень порядочным и справедливым человеком. Понял это еще тогда, когда вы нас вызволили из карцеров, разрешили Баруху остаться со мной в одной камере и добросовестно вы-

полнили свои обязанности по расследованию дела Баруха. И поэтому на ваши вопросы я обязан отвечать честно, чтобы помочь вам правильно завершить ваше второе дело. Однако я бы хотел вас заранее предупредить, что хотя сам ничего не боюсь, потому что никогда в своей жизни не делал ничего неверного, но мне, может быть, придется просто отказаться отвечать на некоторые ваши вопросы, если от ответов на них могут пострадать другие люди».

«Понимаю, - сказал Михаил. - Это справедливое решение с вашей стороны. Давайте проведем нашу беседу в этом духе. Мой первый вопрос к вам: почему вы сказали "повесившийся Самуил"? Вы уверены, что его смерть была ненасильственной?» «Когда это случилось, я спал и не видел, что он повесил себя сам» - ответил Яков. - Но я видел следы крови и человеческих отходов на самой сплетенной веревке и на его руках. К тому же, никто в камере, кроме троих покойников, не имел этих следов. Кроме того, насильственная смерть не произошла бы без шума. Имя чуткий сон, я не слышал в ту ночь шума. Из всего этого я пришел к выводу, что Самуил повесился». «Вы поразительно наблюдательны, - сказал Михаил, записывая ответ Якова. - В такой суматошной обстановке вы заметили, что никто из сокамерников не имел следов крови и нечистот на их одежде». И затем в шутку спросил: «Вы раньше не работали в следственных органах?» «Да как-то не приходилось, почему-то никто не предлагал», - улыбнулся Яков.

«Теперь следующий вопрос к вам, - сказал Михаил. - За день до того, как Шаломоев повесился, вы беседовали с ним о чем-нибудь?» «Нет», - ответил Яков. «Почему?» - спросил Михаил. - У вас были холодные отношения? Вы недолюбливали друг друга? Ненавидели друг друга? Или что-то другое?» Яков улыбнулся и ответил: «Мне кажется, из его дела вы уже поняли, что Самуил меня очень, так сказать, «недолюбливал». Но для меня, как человека духовного сана, неприемлемы такие понятия, как «недолюбливание», «ненависть» и многие другие понятия негативного типа. Люди духовного склада всегда стараются очиститься от этого». «Вы хотите сказать, - спросил Михаил, - что знали, какое его отношение к вам, но, несмотря на это, даже не отослылись к нему холодно?»

Продолжение следует